

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЫСЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

А.И. Токина, канд. филол. наук
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-114-118

Аннотация. Статья посвящена особенностям языкового выражения начальной стадии возникновения мысли в художественных текстах крупных романах Достоевского. Выявленные особенности (тесная связь ментальных предикатов с лексикой семантических полей эмоциональной деятельности и движения, широкая употребительность безличных конструкций, а также устойчивых конструкций с глаголами движения) передают особую динамику мысли, «скачкообразный» характер мыслительного процесса, что свойственно героям-мыслителям Достоевского.

Ключевые слова: мысль; идея; динамика; ментальный предикат; мыслительный процесс; глагол; эмоциональная деятельность; семантика; Достоевский.

Крупные романы Ф.М. Достоевского, такие как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», носят ярко выраженный психологический характер, раскрывая человеческую сущность и детальным образом отображая активные мыслительные процессы, протекающие в сознании человека, зачастую одержимого той или иной идеей и совершающего серьезные поступки под ее влиянием. Как справедливо отмечает Арутюнова: «Ментальные состояния человека занимают ключевую позицию не только в философской антропологии Достоевского, но даже в самом развитии сложных сюжетов его романов [Арутюнова 2000: 27]. Исследуя движение, происходящее в глубинах человеческой души, Достоевский детально описывает противоречивость и даже столкновение мыслей внутри одного сознания. Динамичность не только внешних действий героя, но и глубинных ментальных процессов – характерная, узнаваемая черта, присущая идиостилю писателя. «Он интересовался вечной сущностью человеческой природы, ее скрытой глубиной, до которой никто еще не добирался. И не статика этой глубины интересовала его, а динамика, ее как бы в самой вечности совершающееся движение» [Бердяев 1993: 64].

Характер героя-мыслителя Достоевского, мятущегося под влиянием собственных идей, порой подчиняющих всю его жизнь, не мог не получить отражения на языковом уровне, что прежде всего выражается в преобладании

определенных речевых форм и особенностях ментальных предикатов, описывающих динамичные ментальные процессы, происходящие в человеческом сознании. Герою крупных романов Достоевского свойственны внутренний конфликт, противоречивость, зыбкость внутреннего мира, он погружен в собственные размышления в постоянных попытках принять то или иное судьбоносное для него решение. В связи с этим автором широко используется внутренние монолог и диалог, насыщенные разного рода ментальными предикатами, тесно связанными с предикатами эмоциональными.

Ментальный акт отличается четкой фазовой структурированностью. Матрица динамично развивающегося во времени ментального процесса может быть представлена в виде трех фаз:

- 1) зарождение мысли;
- 2) развитие мысли;
- 3) достижение логического конца – результата или угасания.

Рассмотрим, каким образом автор описывает начальную фазу мыслительного процесса, зарождение мыслей своего персонажа, как именно порывистый характер порой непредсказуемого в своих поступках героя влияет на характер его мыслей, который на основе проведенного анализа языкового материала можно определить как «скачкообразный». Цель данной статьи – установить, оказывает ли влияние противоречивость и нестабильность

внутреннего мира персонажа на особую динамику его мыслей, делая их изменчивыми и непостоянными, подобно их носителю, и каким образом все эти черты находят отражение на языковом уровне?

С целью семантического и контекстуального анализа ментальных предикатов методом сплошной выборки из трех крупных романов Ф.М. Достоевского («Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание») были отобраны контексты, ориентированные на внутреннюю речь главных персонажей (в отдельных случаях монологические высказывания о собственных мыслях) [Токина 2002]. Внутренние монологи и диалоги героев насыщены несущими основную смысловую нагрузку в описании ситуации мыслительного процесса ментальными предикатами, включающими как собственно глаголы интеллектуальной деятельности [по Бабенко, Васильеву], так и их эквивалентами – контекстными синонимами, конструкциями с ментальными именами в виде грамматического субъекта. Анализ показал не только частотность тех или иных предикатов, но и специфику глагольного окружения, и широкую употребительность безличных конструкций. Остановимся на некоторых значимых моментах, касающихся ментальных предикатов, отображающих начальную фазу возникновения мысли.

В качестве первой характерной особенности употребления автором наиболее традиционного и частотного глагола совершенного вида *подумать* («прийти к какой-л. мысли, какому-л. мнению, оценке и т.п.» – БТС) можно отметить типичное контекстное окружение – квалификаторы, отображающие нестабильность, быстроту и изменчивость мыслей героя, неустойчивость его мироощущения, такие как наречия *невольно, вдруг, тотчас же, мигом, мельком* и т.п. В том случае, когда они находятся в постпозиции по отношению к глаголу, акцент еще более смещается на семы внезапности, произвольности и быстротечности мысли.

Ср.: «Если о сию пору я так боюсь, что было бы, если б и действительно как-нибудь случилось и до самого дела дойти?» – *подумал он невольно, проходя в четвертый этаж.* (ПуН); «Все это условно, все относительно, все это одни только формы, – *поду-*

мал он мельком, одним только краешком мысли (ПуН).

Вторая особенность продиктована тем, что типичный герой Достоевского мыслит и действует, опираясь не только и не столько на разум, сколько на чувства, а значит эмоциональная и интеллектуальная сферы его сознания тесно связаны. Мыслительные процессы, протекающие в сознании героев Достоевского, далеко не всегда поддаются логике, сильные эмоции могут доминировать над рациональной мыслью, над голосом разума. На языковом уровне связь между чувствами и разумом прослеживается в тесном взаимодействии лексических единиц интеллектуальной и эмоциональной деятельности, особенно в тех случаях, когда предмет размышлений наиболее значим для героя. Эмоциональное отношение героя к объекту мысли или эмоциональное состояние в момент размышлений наиболее часто передается с помощью употребления в контексте с глаголом *подумать* следующих предложно-падежных конструкций (в случае их постпозиции по отношению к глаголу акцент смещается на семантику той или иной эмоции):

1) существительных в форме творительного падежа с предлогом *с* со значением «эмоционального состояния, сопровождающего основное действие и тем самым характеризующего его [Золотова 2001: 281] (*с наслаждением, с удовольствием, со счастьем, с торжеством, с негодованием, с содроганием, с проклятием, с отвращением, с омерзением, с досадой*);

2) существительных в форме предложного падежа с предлогом *в* в значении эмоционального состояния субъекта [Золотова 2001: 306] (*в отчаянии, в испуге*).

Ср.: *Решение было взято, «и уже не изменится», – со счастьем подумал он.* (ПуН); «*Экая скверность!*» – *подумал он с досадой.* (ПуН); «*Господи! С ума, что ли, я схожу?*» – *подумал он в испуге.* (ПуН); «*Тогда я убью его!*» – *подумал он в холодном отчаянии.* (ПуН).

Не менее характерной особенностью, отражающей специфический характер героев Достоевского, являются широко представленные в текстах писателя **безличные** конструкции (как собственно безличные ментальные глаголы, так и эквивалентные им устойчивые

конструкции). Агнс при этом нередко воспринимается как адресат происходящего. На наш взгляд, частотность безличных конструкций обусловлена, в первую очередь, типом персонажа Достоевского, поскольку безличные конструкции со значением непроизвольности способствуют изображению возникающих в сознании героя мыслей, как будто бы не зависящим от него, что полностью соответствует внутреннему миру подобного героя, зыбкому, неустойчивому, находящемуся в постоянной динамике. Движение мыслей и идей в сознании героя нередко происходит на фоне его реальных перемещений в пространстве, которые, в свою очередь, отличаются крайней переменчивостью и неожиданностью.

В качестве типично безличных ментальных глаголов при описании ситуации возникновения новой мысли можно отметить такие, как *подуматься* («прийти на ум, мелькнуть в мыслях, показаться», БТС) и *вздуматься* (в синонимичном значении). Такие глаголы с семой непроизвольности и общим значением «возникать в сознании кого-л.» создают общее впечатление неясности, смутности мыслей. Наблюдается сходная сочетаемость указанных предикатов с типичной сочетаемостью рассмотренного выше глагола *подумать*. С одной стороны, в контекстном окружении безличных ментальных глаголов присутствуют наречия типа *вдруг* с семантикой внезапности и непроизвольности, за счет которых усиливается заложенная в предикате сема непроизвольности, а также темпоральные конкретизаторы с семой быстроты (*сейчас = сразу, с первого взгляда*), акцентирующие внимание на моментальности возникновения и быстроте смены проносящихся в сознании героя мыслей.

Ср.: «*Пропаду так пропаду, все равно! Носок надеть! – вздумалось вдруг ему, – еще больше затрется в пыли, и следы пропадут*». (ПуН); *Прежде и не вздумал бы, что ты в таком доме живешь, а как увидал его, так сейчас и подумалось: «Да ведь такой точно у него и должен быть дом!»*. (Идиот); *С первого взгляда на него князю подумалось, что по крайней мере этот господин должен знать всю подноготную безошибочно...* (Идиот).

Безличные ментальные предикаты также сочетаются с лексическими единицами эмоциональной сферы. Типовыми при этом яв-

ляются сочетания с существительными в форме творительного падежа, указывающие на эмоциональное состояние героя или его отношение к происходящему.

Ср.: «*Да неужели же этот дрянной негодяй до такой степени может меня беспокоить!*» – *подумалось ему с нестерпимой злобой*. (ПуН); «*Что же это он, за свою прежнюю казенщину принимается, что ли!*» – *с отвращением подумалось Раскольникову*. (ПуН).

Внезапность, непредсказуемость и быстроту смены мыслей в сознании героя Достоевского способны передавать также эквивалентные ментальным глаголам устойчивые безличные конструкции с глагольным компонентом, относящимся к лексико-семантической группе *движения* – *прийти / зайти в голову / на ум / на мысль* («возникать, появляться в сознании кого-л.», ФСРЯ). В их семантике, как и в значении синонимичного им выражения *вскочить в голову*, также выделяются семы быстроты, непроизвольности. Подобные глагольно-именные сочетания принадлежат к группе предикатов неконтролируемого действия, так как, согласно исходному лексическому значению, указывают на движение снаружи внутрь. Сема произвольности, независимости от субъекта в них тем самым задается как внутренней семантикой, так и синтаксической позицией безличности. Соответственно такие конструкции способствуют описанию ситуации возникновения мысли в сознании субъекта ментальной деятельности независимо от рациональной составляющей его сознания. Субъект, выраженный формами существительного или личного местоимения в форме дательного падежа (что также акцентирует его зависимость) представлен таким образом, словно бы он не контролирует свою мыслительную деятельность. Помимо прочего, значение непроизвольности может усиливаться за счет наречий типа *вдруг*.

Ср.: *Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсем понимающим, а между тем выслушать и выведать, что такое тут происходит*. (ПуН); *Чего я усмехнулся? А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты,*

пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени. (Идиот); «Да, стою ли», – **вскочило мне вдруг в голову.** (Бр. Кар.).

Наконец, говоря о безличных предикатах, наиболее характерных для художественных текстов Достоевского, нельзя не остановиться на целой группе глаголов лексико-семантических групп движения и перемещения с семами быстроты и произвольности, таких как *мелькнуть/ промелькнуть в голове/ в уме* («появляться, быстро проходить в сознании»), «представляться в мыслях, воспоминании, воображении мгновенно, словно очень быстро пронестись, промчаться (о мысли)», ТСРГ), *пролететь* («появиться на мгновение и исчезнуть (о мыслях, предположениях, колебаниях, сомнениях), БТС), *пронестись в голове/ в уме* («вообразиться, представляться в памяти, в сознании (о мыслях, воспоминаниях и т.п.), сменяя друг друга мгновенно пройти, исчезнуть, словно быстро пролететь», ТСРГ; «появиться и быстро исчезнуть», БТС)). Исходное лексическое значение всех указанных глаголов связано с быстрым перемещением, все они указывают на мгновенность появления и исчезновения мыслей. В целом все они (преимущественно встречающиеся в форме СВ) передают ситуацию мгновенного, неожиданного, без сопутствующих предварительных размышлений возникновения мысли в сознании субъекта, зачастую мысли неясной, смутной, не осознаваемой до конца. Формы НСВ, как правило, служат либо для описания неоднократного возникновения у субъекта одной и той же мысли, либо для передачи непрерывно потока, быстро сменяющих друг друга мыслей. Семы внезапности и произвольности актуализируются также за счет контекстного окружения – наречий *вдруг, внезапно, незначай*, сема быстроты – при помощи типичных сравнений (*как стрела, как молния, как вихрь*) и темпоральных конкретизаторов (*в мгновение*).

Ср.: «И тогда, стало быть, будет так же солнце светить!..» – **как бы незначай мелькнуло в уме Раскольников...** (ПуН); «ну зачем я вставил кажется? – **промелькнуло в нем как молния...** (ПуН); «Брак? Что это... брак... – **неслось, как вихрь, в уме Алеши,** - у ней тоже счастье... поехала на пир... Нет, она не взяла ножа, не взяла ножа...» (Бр.

Кар.); «**Да стоит ли, наконец, этого само вознаграждение!**» – **промелькнуло в это мгновение в голове Гани.** (Идиот); *Не обдумать ли хоть минуту? – пронеслось в его голове, - нет, лучше и не думая, и с плеч долой!*» (ПуН).

Для подобного рода предикатов характерно наличие актантной рамки, в которой отсутствует указание на типичную область сознания, в которой происходят ментальные процессы (голова, ум), вместо этого называется сам одушевленный субъект, за счет чего создается впечатление полного слияния субъекта мыслительной деятельности и области его сознания, тем самым подчеркивается зависимость героя от своих идей, словно бы превращая его в объект собственных мыслей. При этом одушевленный субъект может быть выражен:

1) именем в форме предложного падежа с предлогом в с локально-объектным значением (*мелькнуть в ком*);

2) именем в форме родительного падежа с предлогом у с субъектно-объектным значением (*мелькнуть у кого*);

3) именем в форме дательного падежа без предлога с субъектно-объектным значением (*мелькнуть кому*).

Ср.: «*Может, еще можно будет и не говорить*», – **мелькнуло в нем...** (ПуН); «*Это он про пакет с тремя тысячами*», – **мелькнуло у Мити.** (Бр. Кар.); «*Что, если он вдруг теперь выйдет из того угла и остановит меня у лестницы?*» – **мелькнуло ему, когда он подходил к знакомому месту.** (Идиот).

В контекстном окружении подобных предикатов связь с лексикой эмоциональной деятельности реализуется за счет эмотивных наречий, прилагательных, существительных в форме творительного падежа в функции сравнения, которые передают эмоциональное состояние героя.

Ср.: «*Она, может быть, слишком наивна!*» – **промелькнуло надеждой в сердце Катерины Ивановны.** (Бр. Кар.); «*Странное дело, пока шел сюда, все казалось хорошо, а теперь вот и ахинея!*» – **вдруг пронеслось в его безнадёжной голове.** (Бр. Кар.).

Таким образом, к одной из характерных особенностей языкового выражения возникновения мысли в художественных текстах романов Ф.М. Достоевского можно отнести

тесную связь ментальных предикатов с семантикой движения, акцентирующей быстроту и некую хаотичность, с эмотивной лексикой, указывающей на эмоциональное состояние мыслящего лица, а также специфическое контекстное окружение, актуализирующее темы внезапности, неожиданности. Подобно тому, как быстро и беспорядочно перемещается герой Достоевского с одного места на другое в пространстве, порой неожиданно

даже для себя меняя локации, сходным образом – внезапно и хаотично – в его сознании зарождаются новые мысли, сменяющие друг друга. Можно сказать, что «скачкообразный» характер мыслей героя Достоевского, динамичный поток его сознания полностью соотносится с его «вихревыми» пространственными перемещениями, что находит соответствующее отображение на языковом уровне.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского) // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 23-41.
2. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О русских классиках. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 54-75.
3. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Гл. 2 // Очерки по семантике русского глагола: Сборник статей. – Уфа: БГУ, 1971. – С. 160-213.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
5. Токина А.И. Функционирование ментальных глаголов в художественном тексте романов Ф.М. Достоевского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 19 с.
6. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. ТСРГ: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
8. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. Яз., 1986. – 543 с.

LANGUAGE FEATURES OF THE DESCRIPTION OF THE EMERGENCE OF THOUGHT IN THE TEXTS OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS

A.I. Tokina, *Candidate of Philological Sciences*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article deals with the linguistic characteristics of the description of the initial stages of thought in the texts of Dostoevsky's major novels. The identified characteristics (the close connection of mental predicates with the vocabulary of semantic fields of emotional activity and movement, the widespread use of impersonal constructions, as well as fixed constructions with verbs of motion) convey a unique dynamic of thought characteristic of Dostoevsky's thinker-protagonists.*

Keywords: *thought; idea; dynamics; mental predicate; thought process; verb; emotional activity; semantics; Dostoevsky.*